

Юлия Сергеева

Ждана

Юлия Сергеева

Ждана

<https://litres.ru/74638573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ждана — обычная девочка. Разве что слышит голос воды: её шёпот, её память, её печали. Но однажды в деревне на трёх водах пропадает мальчик. Гнев людей оборачивается против нечисти, а в тёмной глубине Глухого озера просыпается чужак, забывший своё имя. Если не помочь ему вспомнить — страшная сила вырвется наружу и мир перевернётся.

Спасти всех может только Ждана. Ей предстоит пройти через живой лес. Встретиться с Водяным, Кикиморой, Бабой Ягой. И услышать то, что вода хранила много лет. Рядом с ней — мудрый кот с жёлтыми глазами, который знает больше, чем говорит.

Сказка о памяти рода и о силе, которую она дает.

Юлия Сергеева

Ждана

Пролог

Зима. Деревня укутана снегом, точно овчинным тулупом, — на совесть, чтобы мороз не достал. Крыш почти не видно — только печные трубы торчат, из каждой вьётся белёсый дымок.

На околице, в доме, жёлтым светом горит замёрзшее оконце. И если подойти поближе и заглянуть в него сквозь узоры инея, можно увидеть, что внутри горница. Небогатая, но уютная. Стол дубовый, покрытый вышитой скатертью. На столе — пучки сухих трав, разложенные по порядку: звербой, чабрец, полынь. Женщина склонилась над ними. Ей уже много лет, лицо в морщинах, как береста, но в руках ещё сила. Узловатые пальцы перебирают травы, связывают их бечевой. А губы что-то приговаривают.

Рядом с ней, на лавке, трое ребятишек. Младший, который пока и говорить-то толком не умеет, — плетёт из соломы человечка. Он уже почти готов — руки и ноги на месте, круглая голова, перетянута ниткой. Малец то и дело подносит его к своим глазам, шевелит соломенными руками и тихонько смеётся — потому что кукла вышла смешная, кривоватая, но своя.

Другой, лет семи, — с ножом в руке. Мальчик насупился, даже губу закусил. На коленях — чурбак ивы, мягкой и податливой. Он вырезает из него — пока не понять что, но рука уже чувствует дерево.

Старшая девочка сидит с бабушкой, не отрываясь следит за её руками. Она сызмальства научена, какую траву заваривать от кашля, а какую — класть под подушку от плохих снов. Всё это она знает, всё умеет. Внучка ждёт, когда бабушка закончит. Потому что по вечерам, когда стемнеет и лучина догорает, начинается сказка.

И только когда работа сделана — соломенный человечек уложен на полку, деревянная фигурка пристроена на подоконник, а травы развешаны над печью, женщина медленно обводит взглядом внучат — глаза её, как два чистых колодца, — и тихо говорит:

— Ну что, лапушки, сказку хотите?

Дети кивают, не дыша. В горнице становится тихо-тихо.

— Тогда садитесь поближе, ибо сказка эта не простая, не для баловства. Она про то, как жили люди рядом с иной силой. И про то, что всё вокруг нас живое и помнит. И земля, и вода, и лес, и ветер. Все они хранят память рода нашего.

Бабушка замолчала. Потрепала младшего внука по голове, поправила прядь, выбившуюся из косы старшей. Взглянула на догорающие в печи поленья и тихо начала:

— Было это так давно, что солнце с луной ещё не менялись местами...

Глава 1

...небо было низкое-низкое, прямо над макушкой. Земля была мягче, травы — выше, а вода в реках — тяжелее.

На трёх водах стояла деревня наша Луговая. Хотя лугов здесь отродясь не водилось — одна вода да лес. Название прицепилось случайно, как репей к подолу, и уже не отдрать. С востока — озеро Глухое, тёмное, как нутро старого сундука. С запада — река Студёная, быстрая, холодная, что леденит кости даже в жаркий день. С юга — болото Мокшань, что дышит туманом и травами без имени. А с севера — лес. Тёмный. Дремучий. Тот, в который ходили только за дровами и всегда до обеда, потому что после полудня лес начинал шевелиться.

В каждом доме знали, что за порогом мир — не пустой. За каждым кустом, за каждым поворотом тропы, за каждой рябью на воде — есть кто-то. Не злой. Не добрый. Просто — другой. Такой же хозяин, как и они сами.

В омуте живёт свой. Чуть зазеваешься — он плеснёт в лицо, чуть наберёшь лишнего — вздохнёт. Водяной — его здесь звали просто Дед — сидел под старым мостом через Студёную. Никто не видел его целиком, но каждый хоть раз видел его пальцы: длинные, в зелёной тине. Они появлялись из воды, когда кто-то бросал в реку монетку — плату за проход. Дед был сварлив, но справедлив. Если рыбаки оставля-

ли ему первую рыбку — он отдавал улов. Если забывали — река мутилась на три дня.

Русалки здесь не пели, говорили шёпотом. Прятались в камышах и следили за детьми. Ждали, когда ребёнок сам подойдёт слишком близко, и тогда задавали ему один вопрос. Если ребёнок отвечал честно — отпускали. Если врал — забирали его голос на месяц. Никто не знал, зачем им это. Но дети в Луговой врать разучились рано.

На перекрёстках жили кикиморы. Их называли «пряхами», потому что они путали нитки у тех, кто ссорился, и распутывали у тех, кто мирился. К ним ходили за советом, но не напрямую, а через ведуний — тех, кто умел читать следы на земле и знал, как говорить с нечистой, не обижая её.

В чаще леса, там, где даже дровосеки боялись рубить, жила Баба Яга. Ведунья, знахарка, ведьма — всё в ней было. Знала травы, читала следы, говорила с лесом. Лечила по-разному: иного травами, иного — жаром печи.

Приведёт мать к ней больное дитя, Яга посадит его на лопату, сунет в устье, нашепчет что-то. Печка выгребет хворь, и ребёнок выходит здоровым, румяным, будто только из бани.

Яга была суровой, но справедливой. Лечила не всех — только тех, кто приходил с чистой душой и без корысти. Брала не плату, а обещание — что человек сделает что-то важное для людей или для леса. Её слушались. Потому что, когда печка не помогала, никто уже не мог помочь.

И люди, и водяные, и русалки, и кикиморы, и сама Яга — держали равновесие. Иногда оно шаталось, но никогда не падало.

С Дедом не ссорились — кланялись, когда проходили по мосту. С русалками не спорили — обходили камыши стороной в полдень, когда те просыпались. Кикиморам оставляли у перекрёстков краюху хлеба. Домовых не обижали — подкладывали им за печку сладкую кашу. Бабу Ягу не беспокоили по пустякам — знали, что она придёт сама, если почувет беду. Не от страха, нет. От уважения. Потому что ведали: у каждого свой надел, своя тропа, свой срок.

Так и жили, ладно да складно.

Глава 2

Всё началось с мальчика Власа, которому только-только минуло восемь годков. Он бегал к озеру за водой — мать послала, вечером уже, перед самым закатом. И не вернулся.

Искали всей деревней. Мужики с факелами прочесали берег до самого поворота, где река уходит в лес. Бабы звали Власа по имени, голосами тонкими, надрывными. Даже ведунья Матрёна, чьи глаза видели больше, чем у других, отправилась на поиски, но вернулась ни с чем. Сказала только: «Как будто его и не было».

Три дня ждали. Три дня надеялись. На четвёртый поняли — не вернётся.

Женский плач доносился с каждого двора. Детей попрятали по избам — сберечь от лиха. Мужики молчали, сжав кулаки. А на пятый день горе обернулось гневом — глухим, как подземный гул.

— Это они, — молвил староста Косьма, сжимая в руке посох. — Позабыли уговор. Мы им — уважение, а они — наших детей.

Водяному перестали бросать монеты. Русалок проклинали шёпотом у камышей. На перекрёстках больше не лежало краях. Мужики точили топоры и говорили, что пойдут к озеру — спросят с хозяев. Деревенские ведуньи молчали. Они чуяли, что здесь нечисто, но не могли объяснить.

В тот же вечер, когда солнце клонилось к лесу, в деревню пришла Яга.

Появилась на околице — маленькая, сутулая, в тёмном платке, опираясь на корявую палку.

Она прошла мимо изб, мимо колодцев, мимо перепуганных баб — и остановилась прямо перед домом старосты.

Косьма вышел на крыльцо. Хотел что-то сказать — но Яга подняла руку, и он замолк.

— Не выходите на тропу войны, — начала она. Голос дрожал, но в нём слышалась древняя статья. — Не ваша вина... и не их.

— А чья же? — выдохнул кто-то из толпы.

Яга обвела взглядом деревню. Долго смотрела на лес. Потом подняла глаза к небу, где уже зажигались первые звёзды.

— В Глухом озере кто-то пробудился. Чужой. Я не знаю, кто он. Никто не знает. Не из наших. И не из людей. Не из воды, не из леса. Он пришёл оттуда, где даже я не бывала. Лёг в озеро, уснул — и забыл себя. А теперь проснулся. Он выбрал озеро, потому что оно — хранилище. Вода в нём стоит, не течёт, не уходит. Всё, что в него попадает, остаётся там навсегда. Но оно связано с рекой и болотом под землёй, как корни одного дерева. И когда он проснулся — вода замутилась во всех трёх водах. Если мы не поможем ему вспомнить, кто он — мир перевернётся. И тогда уже не будет ни Луговой, ни леса, ни воды.

— А Влас? — выкрикнул кто-то из толпы.

Яга обернулась на голос. Глаза её блеснули.

— Вода не топила мальчика. Она взяла его, чтобы вы зашевелились. Он жив и спит — глубоко. Если имя чужака будет названо — Влас вернётся. Если нет — он останется там навсегда.

Яга обратилась к старосте.

— Ищите девочку. Ту, которая слышит воду. Есть такая? Косьма побледнел. Толпа зашепталась.

— Есть. Внучка Матрёны. Жданой кличут. Но она... она ещё дитя.

— Значит, время ей стать взрослой, — ответила Яга. — Иначе дитём и останется. Вместе со всем миром.

Ждана сидела на крыльце дома бабушки Матрёны и чистила мелкую плотву. Чешуя летела в стороны, липкая и серебристая, и пахла рекой и тиной.

Девочка была худенькой, большеглазой — глаза синие, как вода в Студёной перед дождём, с русыми волосами, которые вечно выбивались из косы. Рукава рубахи закатаны до локтей, пальцы тонкие, но цепкие. Ноги босые, лапти скинуты у порога.

Она не знала, что в деревне говорят о ней. Она вообще редко знала то, что говорят люди. Её мир был другим.

Ждана слышала воду.

Не ушами — нет. Там, где у других бьётся сердце, у неё жил голос. Он звучал ровно и непрерывно, как дыхание. Иногда вода просто говорила — шепотом, вздохами. Иногда показывала картинки — как будто открывала дверь в чужую память.

Вода помнила всё. Кто в ней купался, кто тонул, кто бросал монетки, кто ругался на берегу. Она хранила даже то, чего сами люди уже не помнили. И делилась этим с Жданой.

Девочка не знала, хорошо это или плохо. Она просто жила с этим.

Ждана не помнила родителей. Говорили, мать умерла родами. Отца никто не знал. Матрёна забрала сироту к себе.

Так девочка и росла — ничья и своя одновременно. С даром, о котором знали все, но никто не говорил о нём вслух.

С пустотой внутри, которую нечем было заполнить, кроме воды.

А сегодня вода молчала.

С утра. Как только Ждана открыла глаза, она поняла: тишина. Не та, что бывает между звуками. А та, глубокая, будто уши заложило.

Студёная молчала. Колодец за избой не вздыхал.

Ждана отложила нож и посмотрела на небо. Где-то там, за околицей, что-то происходило. Она чувствовала это кожей.

— Ждана! — раздался голос Матрёны от калитки. — Поди-ка сюда. Быстро.

Девочка вздрогнула. Бабушка редко повышала голос. А если повышала — значит, что-то случилось.

Она резко встала, отряхнула руки о подол и побежала навстречу бабушке.

Матрёна, запыхавшаяся, рухнула на лавку.

— Тебя ищут, — выдохнула она. — Вся деревня... и Яга.

Ждана замерла.

— Зачем?

Бабушка посмотрела на неё долгим взглядом. В нём было всё: страх, любовь, смирение.

— Потому что ты слышишь воду, — тихо промолвила ведунья. — Беги к старосте.

Ждана вышла за ворота. Ноги сами понесли её к дому старости.

Она вдруг вспомнила, как маленькой заболела.

Студёная вода заколыхалась, закипела внутри неё, и бабушка Матрёна не отходила, поила отварами, растирала. А когда поняла, что сама не справляется, взяла её на руки и понесла в лес.

Ждана, хоть и была в горячке, помнила, как в дымке: темноту между сосен, запах сухой травы. И как бабушка стучала в дверь избы — старой, покосившейся.

Внутри было тепло. Пахло свежим хлебом. Яга сидела у печи и долго смотрела на Ждану. Так, что та забыла, как дышать. А потом старуха взяла её за руку, приложила ладонь к своей груди и сказала:

— Будет жить. И будет слышать. Ты её не прячь, Матрёна. Ей суждено.

Матрёна тогда молчала. Только вздохнула. А потом Яга посадила Ждану на лопату и сунула в устье печи.

Девочка помнила, как хворь уходила из неё дымным следом, растворяясь в печной тяге. А когда вытащили — она была здорова. Словно заново родилась.

С тех пор она иногда видела Ягу в лесу. Нечасто, но всегда неожиданно. Старуха появлялась будто из воздуха — то у старого дуба, то на повороте тропы. Никогда не здоровалась первой. Только смотрела. Пристально, как тогда, у печи. И Ждана, помня то тепло, не боялась. Кланялась и проходила

мимо.

За мыслями девочка не заметила, как подошла к дому старосты. Толпа расступилась перед ней, как вода перед камнем. На крыльце стояла Яга.

Сердце Жданы билось ровно, хотя внутри всё сжалось — не от страха, от важности момента. Она чувствовала, что сейчас произойдёт что-то, что перевернёт её жизнь.

Старуха не сводила с неё глаз.

Толпа замерла. Староста Косьма стоял рядом с Ягой, бледный и хмурый.

— Подойди, — молвила Яга. Голос был сухим, но в нём не было приказа. Скорее приглашение.

Ждана шагнула вперёд на крыльцо. Поднялась на три ступени и остановилась напротив старухи.

— Ты знаешь, кто я? — спросила Яга, заглядывая в глаза девочке.

— Знаю. Ты та, что живёт в чаще. Ты лечила меня, когда я была маленькой.

Яга чуть склонила голову — будто приняла ответ.

— А знаешь ли ты, что вода молчит?

Ждана кивнула.

— С утра. Я не слышу её. Впервые в жизни.

Толпа зашепталась. Яга подняла руку — и шёпот затих.

— В Глухом озере проснулся чужак, — выдохнула старуха. — Он не помнит, кто он. Но вода помнит. Вода всегда всё помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.